

А.П.Тусичинский (Россия)

О КОНФЛИКТЕ В ПОВЕСТИ «ДВОЙНИК» В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ МАКСА ШТИРНЕРА

Настоящее имя Макса Штирнера – Иоган Каспар Шмидт. Псевдоним произошел от прозвища, которое дали ему друзья за очень высокий лоб. Родился в 1806 году в Байрейте, в небогатой бюргерской семье. Учился в Берлинском университете, где слушал лекции Гегеля, Шлейермахера. Работал учителем в частном женском пансионе. Книга «Единственный и его собственность» вышла в конце 1844 года в Лейпциге. Сначала цензура запретила ее, но вскоре разрешила, считая ее «слишком нелепой» и потому не представляющей опасности. Книга вызвала сенсацию, Штирнера даже называли «адвокатом дьявола», но потом она была надолго забыта. В 90-е годы XIX века интерес к Штирнеру стал возрастать в связи с появлением философии Ф.Ницше.

О Штирнере Достоевский мог узнать в кружке Белинского [Отверженный 1925: 27]. Трактат Штирнера находился в библиотеке кружка М.В.Петрашевского [см.: Гроссман 1919: 11]. На одном из собраний кружка Достоевский, согласно его письменным показаниям во время следствия, сделал доклад «*о личности и об эгоизме*» (18; 120, 128) (ссылки даются по изданию [Достоевский 1972-1990]). В круглых скобках указываются том и страница). Н.Отверженный (Н.Г.Булычев) полагал, что влияние книги Штирнера на творчество Достоевского начинается с «Записок из подполья». Однако идеи «Двойника» поразительно совпадают с идеями Штирнера.

Человек, попавший в беду, отношение окружающих к такому человеку, отношение сослуживцев – тема повести «Двойник». В «Двойнике» выражена та же мысль, что в книге Штирнера: общество, государство и личность – враги: «Государство хочет непременно что-то сделать из людей, и потому в нем живут только *сделанные* люди; всякий, кто хочет быть самим собой, – враг государства и ставится им ни во что» [Штирнер 1909: 89].

В письме к старшему брату Михаилу от 9 августа 1838 г. Достоевский в связи с чтением Гофмана сообщает: «У меня есть прожект: сделаться сумасшедшим. Пусть люди бесятся, пусть лечат, пусть делают умным» (28; 51). Эти слова молодого Достоевского, по-видимому, можно рассматривать как начало замысла «Двойника». В процессе работы над произведением этот замысел значительно усложнился. В «Двойнике» мы видим мир через восприятие человека, сходящего с ума от отчаяния.

«Двойник» о том, что нужно сохранить свою личность, идти «узким путем». Служба в департаменте обезличивает человека, он превращается в свою тень, которая вытесняет в человеке все человеческое. Голядкин уже не может уместиться в своей службе, вступает в конфликт с обществом и гибнет. У него не получается быть, как все: успешно служить, удачно жениться и т.д. Он смешон и непрозрачен для окружающих, из-за этого он страдает.

В «Двойнике» Достоевский тоже создает трагикомический образ «маленького человека». Голядкин во многом похож на своего предшественника Макара Деушкина из романа «Бедные люди». Он тоже с лысиной, подслеповатый, невзрачный. Живет в маленькой комнатке, бедно обставленной. Он – сирота, воспитывался в доме Олсуфия Ивановича. Семьсот пятьдесят рублей кажутся ему огромной суммой. «Такая сумма может далеко повести человека...» (1; 110). Ему кажется, что эта сумма обеспечит ему счастливое будущее, по крайней мере, осуществление его планов женитьбы на Кларе Олсуфьевне. Голядкин считает себя человеком простым, без наружного блеска. Как и Деушкин, Голядкин легко раним, зависим от чужого мнения о себе. Он очень одинок, никто его не любит, Голядкин чувствует себя гонимым судьбой. Голядкин нерешителен, неуверен в себе, робок, боится начальства, но свою робость и застенчивость скрывает под маской нахальства и развязности. Герой то сознает себя Наполеоном («Хорошо бы узнать, на что именно метят все эти народы и каков-то будет их первый шаг...») (1; 161) – в таких масштабах он думает о своих врагах), то слабым и беззащитным ребенком. Голядкин чувствует себя легко только с теми, кому он может покровительствовать. Ему нравится, что и он может кому-то оказывать покровительство и делать доброе дело, нравится быть чьим-то благодетелем. Голядкин – мечтатель. Он уверен, что Клара Олсуфьевна на самом деле равнодушна к нему. Голядкин, стоя под окнами дома Олсуфия Ивановича, ждет, что Клара Олсуфьевна привяжет к окну розовую ленточку. Это герой рефлектирующий, постоянно сомневающийся в себе. Он любит себя мучить, «растравлять свои раны», это приносит ему «глубокое наслаждение». Голядкин – «голый», тонко чувствующий человек, как будто кожу с него содрали. Голядкин любит цвета голубой, зеленый, так как он все время испытывает стресс. Он нанимает карету с голубыми гербами, ему нравится зеленая ливрея на Петрушке. У «маленького человека» оказывается много врагов. Почему? Это один из самых болезненных вопросов для Голядкина. Почему ему все время приходится находиться в состоянии войны? Почему его все обижают? Почему он постоянно испытывает агрессию со стороны окружающих? В «Двойнике» Достоевский создает образ непривлекательного, всеми нелюбимого,

смешного, одинокого, вытесняемого, выдавливаемого Голядкина.

Смешными выглядят поступки Голядкина, связанные с его стремлением стать на несколько ступенек выше на общественной лестнице: голубая карета с гербами, подержанная ливрея на Петрушке, мнимые покупки в Гостином дворе. Эта попытка самоутверждения закончилась позорным изгнанием из дома Олсуфия Ивановича. Эта повесть о попытке «маленького человека» стать на несколько ступенек выше на общественной лестнице. Он хочет стать выше, в то время как его карьера резко идет вниз. Его не принимают в доме Олсуфия Ивановича, на работе у него неприятности. Он не понимает, в чем дело. Он хочет уверить себя в том, что он состоятельный человек, что Клара Олсуфьевна к нему равнодушна. Он убежден, что это двойник ему мешает, ставит ему везде подножки. Двойник быстро занял то положение на службе и в обществе, о котором мечтал Голядкин. Но средства, которые он для этого применил, вызывают у Голядкина отвращение. Для того чтобы крутиться в этом обществе, надо быть Голядкиным-младшим, то есть полной противоположностью Голядкину-старшему.

С самого начала повести автор отмечает, что Голядкин чужак, странный. Над ним смеются его собственный слуга Петрушка, сослуживцы, особенно молодые. При разговоре с доктором речь именно идет о странностях Голядкина. По мнению Крестьяна Ивановича, Голядкин не такой, как все, хотя именно ему Голядкин пытается доказать, «что он, как и все», во всяком случае «не хуже других» (1; 115). Крестьян Иванович советует Голядкину изменить всю его жизнь, «переломить свой характер». Голядкин пытается ему объяснить, что идет «своей дорогой» и имеет на это право, так как ни от кого не зависит (1; 116).

Голядкин предваряет Мышкина. Во-первых, он не такой, как все, странный, идиот. Во-вторых, в нем много детского. В-третьих, он обладает даром предчувствия. С самого начала он предчувствует, что враги хотят его погубить.

Голядкин относит себя к людям, «которые не слишком-то держатся общего мнения <...>; умеют этак иногда поднести коку с соком» (1; 119). Из разговора с доктором выясняется, что три дня тому назад Голядкин поскандалил в доме Берендеева, где его до этого времени принимали, из-за Владимира Семеновича, собравшегося жениться на Кларе Олсуфьевне ради денег. Понятно, почему Голядкин с таким волнением собирается на званый вечер. Он предчувствует, что его могут не принять в доме бывшего «благодетеля». Вместо службы он отправился в Гостиный двор и занялся мнимыми покупками, чтобы как-то «убить» время. Он очень устал в Гостином дворе, но оставалось еще очень долго до званого вечера, и он

решил закусить и «выждать известное время» в ресторане. В ресторане он даже не смог читать газету (хотя потом выяснится, что он очень любил газеты), так как «был в крайнем волнении». Предчувствия его оправдались: в доме Берендеева его не приняли. Встретившись со своим начальником Андреем Филипповичем, Голядкин при разговоре с ним отстаивает свое право на «частную жизнь». Он стремится показать Андрею Филипповичу, что лестница в доме Берендеева – это не служебная лестница, и поэтому, разговаривая с Андреем Филипповичем внизу, он переступает ступеньки, приближаясь к своему начальнику. Но Андрей Филиппович не захотел быть с ним на равных и убежал от него в комнату, куда доступ Голядкину был закрыт.

Даже на званом дне рождения Клары Олсуфьевны неукоснительно соблюдается «чиновная табель о рангах». Первым провозглашает тост старший из чиновников Андрей Филиппович. Когда он уронил слезу в бокал, прослезилась все остальные, а бывший начальник Андрея Филипповича Олсуфий Иванович «зарыдал как ребенок».

После того как Голядкина, словно «ветошку», позорно изгнали из дома Берендеева, он решил покончить с собой, бросившись в черную воду Фонтанки. Кто мог спасти его? Только другой человек, очень близкий ему. Его и спас другой Голядкин. Во всяком случае, он решил не отчаиваться, может быть, еще все «устроится к лучшему». Так Достоевский логически обосновал появление двойника.

Затем он случайного прохожего начинает идентифицировать со своим двойником. Когда он приходит домой, то в результате сильного душевного потрясения галлюцинирует и видит двойника, сидящего на кровати и качающего ему головой. Первоначальная слуховая галлюцинация, когда он услышал только чей-то голос, перешла в зрительную: «...господин Голядкин уже давным-давно знал, что у них там что-то готовится, что у них там есть кто-то другой» (1; 144). Голядкин, в первый раз увидев двойника в своем департаменте, задается вопросом: «...по какому же праву все это делается? кто разрешил такого чиновника, кто дал право на это?» (1; 147). Обыгрывая значение фамилии героя «голь», столоначальник Антон Антонович Сеточкин, который, как мы уже знаем, любит пошутить (пел петухом в доме Олсуфия Ивановича, чем всех насмешил), шутя объясняет Якову Петровичу, что к ним поступил его однофамилец, то есть такая же «голь». Шутка оказалась неудачной. В этом разговоре Сеточкин выясняет для себя, что Голядкин сумасшедший и видит своего двойника. С новым чиновником Голядкин идентифицирует своего двойника, которого видел накануне у себя дома. Этот чиновник сначала напросился в гости к Голядкину, вел себя очень смиренно, сумел расположить к себе одинокого

и доверчивого Голядкина. Узнав его подноготную, он донес на него в департаменте как на неблагонадежного человека, сразу став после доноса чиновником по особым поручениям. Возможно, новый чиновник имел рекомендацию из III Отделения, над которой посмеялись Андрей Филиппович с его превосходительством. Голядкин сначала подозревает, что это дело рук Андрея Филипповича или его племянника. Но затем он понимает, что это, скорее всего, сделала Каролина Ивановна, имевшая виды на господина Голядкина. Она, возможно, и донесла на него.

Голядкин не сумасшедший. В тоталитарном обществе николаевской империи легко было расправиться со своим врагом, для этого надо было донести на него куда следует. В «Двойнике» – сатирическое изображение тоталитаризма николаевской эпохи. Столь незначительная личность сурово преследуется всей государственной машиной. После доноса Голядкина-младшего отношение к Голядкину-старшему даже со стороны его столоначальника Сеточкина резко меняется. И Андрей Филиппович стал еще хуже относиться к Голядкину-старшему. Бывший его приятель Вахрамеев заявляет ему в письме: «...вы, по рассказам умных людей, потеряли амбицию и репутацию и стали опасны для нравственности невинных и незараженных людей, ибо некоторые особы живут не по правде и, сверх того, слова их – фальшь и благонамеренный вид подозрителен» (1; 181).

Голядкин-младший успешно делает свою карьеру за счет доноса на Голядкина-старшего. При переработке произведения в черновых записях Достоевский сравнивает его с П.Д. Антонелли, который донес на кружок Петрашевского. В конце повести Голядкина увозят. Куда? В сумасшедший дом, в тюрьму или на каторгу, в Сибирь, куда через некоторое время повезут самого Федора Михайловича, – это не столь уж существенно. Существенно, что такой незначительный чиновник, как Голядкин (а в действительности как сам Петрашевский), оказался важным государственным преступником.

Чем опасен двойник для Голядкина? Тем, что он роняет его репутацию в присутствии посторонних, смеется и издевается над ним. Зная, что Голядкин более всего боится запятнать свою репутацию, его двойник всячески компрометирует его: в департаменте, перед сослуживцами, в кофейне и т.д. Голядкин испытывает «страдания амбиции» (1; 174). Все его поступки, собственно, обусловлены защитой его репутации. Потеря репутации и амбиции – главное для Голядкина. Это отражено и в письме к нему сослуживца Вахрамеева, содержание которого он уже «заранее предчувствовал». С амбицией как главной чертой героя связано и то, что повествователь его постоянно называет «господин Голядкин». Это такое же парадоксальное словосочетание, как «князь Мышкин» или «Лев Мыш-

кин». Трагедия его в том, что он открывает для себя, что в мире много подобных ему.

Голядкин с самого начала предчувствует какую-то беду, опасность. Во втором произведении писателя главный концепт – беда, опасность, горе. Предчувствуя опасность, он совершает незапланированный визит к доктору Крестьяну Ивановичу. Из разговора с доктором выясняется, что Голядкин – домосед, не любит развлечений, веселых компаний. Голядкин жалуется доктору на своих врагов, которые его хотят погубить. Крестьян Иванович предлагает Голядкину для того, чтобы избавиться от беды, быть таким, как все. Герой убеждается в том, что Крестьян Иванович ничем не может ему помочь.

Совершая мнимые покупки в Гостином дворе и мебельном магазине, он таким образом пытается снять тревогу с души. Ему нужна какая-то посторонняя деятельность, чтобы дожидаться званого обеда у Олсуфия Ивановича. Он не уходит от беды и опасности, он, как та птица, которая «сама летит на охотника». Аналогичны пословицы, утверждающие, что человек сам виноват в своих бедах: «Бабочка сама на свечку летит», «Сам надел петлю на шею» – «Ах я баран-голова! – ругнул он себя мысленно, – ну, куда ж я веду его? Сам я голову в петлю кладу» (1; 153). Голядкин называет Андрея Филипповича медведем. Образ медведя встречается в пословицах о беде. «От волка бежал – нарвался на медведя» (попал из одной беды в худшую). Когда Голядкин отправился в голубой карете с гербами на Невский проспект, он сначала встретил молодых сослуживцев, а затем встретил «медведя» Андрея Филипповича. Далее в соответствии с пословицей «Хорошо медведя из окна дразнить» (предостережение от беды) Голядкин дразнит Андрея Филипповича из окна своей кареты: «Господин Голядкин, видя, что Андрей Филиппович узнал его совершенно, что глядит во все глаза и что спрятаться никак невозможно, покраснел до ушей. “Поклониться иль нет? Отозваться иль нет? – думал в неописанной тоске наш герой, – или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожий со мною, и смотреть как ни в чем не бывало? Именно не я, не я, да и только! – говорил господин Голядкин, снимая шляпу пред Андреем Филипповичем и не сводя с него глаз. – Я, я ничего, – шептал он через силу, – я совсем ничего, это вовсе не я, Андрей Филиппович, это вовсе не я, не я, да и только”. Скоро, однако ж, дрожки обогнали карету, и магнетизм начальнических взоров прекратился» (1; 113).

Голядкин понимает, что с появлением двойника на него обрушилась беда: «Дожил я до беды, дожил я вот таким-то образом до беды! Впрочем, может быть, оно обратится все к лучшему...» (1; 176). Беда обрушилась

на Голядкина как снег на голову, поэтому двойник впервые является ему именно во время снежной метели. Беда гонит Голядкина по улицам Петербурга: «Если б теперь посторонний, неинтересованный какой-нибудь наблюдатель взглянул бы так себе, сбоку, на тоскливую побегжку господина Голядкина, то и тот бы разом проникнулся всем страшным ужасом его бедствий...», он «...вдруг срывался как бешеный с места и бежал, бежал без оглядки, как будто спасаясь от чьей-то погони, от какого-то еще более ужасного бедствия...» (1; 138-139). Эта повесть о нечеловеческих страданиях маленького человека в жестоком безбожном мире. Хотя он и поверил письму Клары Олсуфьевны, но на самом деле не верит ни в какую свадьбу: «Вы, сударыня, вы меня в напраслину вводите... Тут человек пропадает, тут сам от себя человек исчезает и самого себя не может сдержать, – какая тут свадьба!» (1; 213). Герой воспринимает свои несчастья как мировую катастрофу, свою гибель как всеобщую: «Какой тут вояж, – думал господин Голядкин, смотря на погоду, – тут всеобщая смерть...» (там же).

Опасность в образе двойника означает, что эта опасность предназначена именно Голядкину и никому другому. С этим связано его постоянное желание отказаться от своей личности: «Даже на мгновение мелькнула мысль в голове господина Голядкина, «что, дескать, не оставить ли все это так, не отступить ли запросто? Ну, что ж? ну, и ничего. Я буду особо, как будто не я, – думал господин Голядкин, – пропускаю все мимо; не я, да и только; он тоже особо, авось и отступится; поюлит, шельмец, поюлит, повертится, да и отступится. Вот оно как! Я смирением возьму. Да и где же опасность? ну, какая опасность? Желал бы я, чтоб кто-нибудь указал мне в этом деле опасность?» (1; 170).

Герой пытается осмыслить ситуацию, ищет выходы из создавшегося положения. Как вести себя, когда тебе угрожает опасность? Что делать? Голядкин предлагает своему двойнику надеяться на Бога (но это в том случае, когда надо утешить другого): «...Голядкин-старший <...> начал доказывать, что нужно возложить всю надежду на Бога» (1; 158). Смириться или добиваться своих прав, жаловаться начальству? Голядкин пытается жаловаться, сначала начальнику отделения Андрею Филипповичу, но не застаёт его дома, потом – «его превосходительству». Достоевский показывает, что ни бунтом, ни смирением жить нельзя.

По мнению О.Г.Дилакторской [см.: Дилакторская 1999: 127-237], двойник – это бес (та же тема, что и в «Мастере и Маргарите» М.А.Булгакова). Бес пришел на землю в образе двойника мелкого чиновника. Но зачем ему это было нужно? Неужели он пришел на землю из-за «грешной души» (на самом деле не такой уж грешной) Голядкина? Да еще вместе с дьяволом Крестьяном Ивановичем.

«Двойник» – сатира на николаевскую империю с ее осведомителями, доносчиками, где для каждого неблагонадежного найдется свое и на службе и дома надзирающее око. Борьба с двойником – это борьба с врагами, которые решили таким образом вытеснить Голядкина из жизни. Враги – это Андрей Филиппович, его племянник Владимир Семенович, немка Каролина Ивановна, к врагам потом примыкает бывший друг Вахрамеев. Двойник – Иуда, предатель, он выдал Голядкина врагам, рассказал его подноготную, запятнал его репутацию. В этом обществе процветают доносчики. Голядкин-младший – доносчик. Он узнал всю подноготную Голядкина-старшего и донес на него в департаменте, что сразу возвысило его: из смиренного мелкого чиновника он стал чиновником по особым поручениям. Перерабатывая в 1860-е гг. журнальный вариант повести, Достоевский, судя по черновикам, собирался усилить этот мотив доноительства. Донос в русском обществе – это кратчайший путь к карьере. Доноительство, обман, лесть, лизоблюдство (Голядкин называет своего двойника «лизун, лизоблюд» – 1; 172), чиновпочитание, угодничество – вот основные качества, помогающие делать карьеру. Если Голядкин-старший – пародия на Чацкого, то его двойник ведет свою родословную от Молчалина. В этом обществе пользуется благосклонным отношением начальства тот, кто безнаказанно присваивает себе чужой труд. Голядкин-младший присваивает себе труд Голядкина-старшего, и начальство как бы не замечает этого. С другой стороны, двойник воплощает скрытые (подсознательные) честолюбивые мечты героя: стать чиновником «по особым поручениям», быть всеми любимым и т.п. Он не замечает того, что в сущности его двойник – слуга, что и его двойник не может достичь уровня Владимира Семеновича и жениться на Кларе Олсуфьевне.

Голядкин бунтует против проникновения чиновничьей машины в его частную жизнь. В «Двойнике» автор с колоссальной силой показал удушающую атмосферу бюрократическо-чиновничьей России, где человек не может быть «сам по себе».

Устами Сеточкина общество обвиняет Голядкина в следующих проступках:

1. В том, что он собирался делать «подкопы» против Андрея Филипповича и Владимира Семеновича.
2. В том, что он пытался запятнать репутацию Клары Олсуфьевны.
3. В том, что не женился на Каролине Ивановне, рассчитывавшей на это.

Этих обвинений достаточно для того, чтобы его выгнали со службы, отправили в сумасшедший дом. Достоевский в повести предва-

ряет проблематику «Процесса» Ф.Кафки и «Приглашения на казнь» В.В.Набокова. Два Голядкиных внешне совершенно идентичны, но внутренне они антиподы. Герой пытается помириться с обществом, но общество безжалостно, не прощает ему ничего.

Почему никто не может помочь Голядкину? Все в этом обществе действуют согласно правилам, предписаниям, циркулярам, инструкциям, поэтому никто не может помочь конкретному Голядкину с его конкретной бедой. Его двойник издевается: «— На все есть известная форма-с. Явитесь к секретарю его превосходительства и потом отнесите, как следует, к господину правителю канцелярии» (1; 161). Не может помочь ему доктор Крестьян Иванович, к которому он пришел как к «духовнику» и который действует согласно общим предписаниям. «Но, к изумлению и к совершенному поражению господина Голядкина, Крестьян Иванович что-то пробормотал себе под нос; потом придвинул кресла к столу и довольно сухо, но, впрочем, учтиво объявил ему что-то вроде того, что ему время дорого, что он как-то не совсем понимает; что, впрочем, он, чем может, готов служить, по силам, но что все дальнейшее и до него не касающееся он оставляет. Тут он взял перо, придвинул бумагу, выкроил из нее докторской формы лоскутик и объявил, что тотчас пропишет что следует» (1; 117-118). Так же поступает Андрей Филиппович, у которого Голядкин искал защиты против интриг двойника: «Но Андрей Филиппович, услышав, что дело господина Голядкина было частное дело, отказался слушать, решительно замечая, что у него нет ни минуты свободной и для собственных надобностей» (1; 165). Вина Голядкина в том, что он нарушает общепринятые постановления, выходит из мерки.

О том, что личности не нужны в обществе и государстве, говорит Сеточкин: «...личности в хорошем обществе не совсем позволительны-с...» (1; 163). Опасность, которая, как чувствует Голядкин, исходит от врагов, — это опасность, которая исходит от общества и государства. Штирнер рассматривает личность как заведомо данную величину, вступающую в конфликт с государством и обществом, и не учитывает того, что личности априори не существует, что она формируется в семье, обществе и государстве. Но весь интерес Достоевского как раз сосредоточен на преломлении общественных отношений в характере и судьбе героя. Голядкин все время пытается доказать, что он не идет против общепринятого, что он благонадежный, благоразумный человек. Но беда его в том, что он все время выходит из мерки. Голядкин на самом деле не бунтарь, он очень боится враждебности и холода со стороны общества, пытается примириться с ним, выдвигая общепринятый стереотип: «начальство — отец»: «...принимаю, дескать, благодетельное начальство за

отца и слепо вверяю судьбу свою» (1; 196). Голядкин тщетно старается доказать всем свою благонамеренность. Он пытается объяснить Сеточкину, что он «далек от вольнодумства» (1; 198). Когда Голядкин борется против общества его же оружием, его враги на какое-то время теряются и пасуют.

Достоевский разоблачает общество, его «гуманизм» и «идеалы». Штирнер высказывает мысль: «Кто, однако, полон святой (религиозной, нравственной, гуманной) любви, тот любит только призрак, «истинного человека», и с тупой бессердечностью преследует единичную личность, настоящего человека <...>, ибо любовь к призраку или к всеобщности овладела им и заставляет его ненавидеть все непризрачное...» [Штирнер 1909: 153]. Это и происходит в «Двойнике». Все полюбили призрак и преследуют настоящего Голядкина. Достоевский изобразил общество призраков, а не живых людей.

Чего более всего опасается Голядкин? Более всего он опасается того, что общество отнимет его личность. Об аналогичной угрозе со стороны общества пишет Штирнер: «Что какое-нибудь общество, например, государство, ограничивает мою *свободу*, это меня мало возмущает. <...> Но *особенность* мою я не отдам, а именно эту особенность хочет похитить всякое общество, именно она и должна подчиниться его власти» [там же: 175]. Смириться перед двойником – это значит отказаться от своего своеобразия, своего «я».

Главный конфликт «Двойника» – это конфликт личности и государства, личности и общества. В черновых набросках к предполагавшейся переработке повести выделен этот конфликт: «NB. “Когда ты (в 1-й главе) пригласил Клару Олсуфьевну на *польку*, ты восстал против общества”, – говорит младший старшему, патетически утешая его» (1; 434). Этот же конфликт является центральным в книге Штирнера.

Голядкин считает себя «единственным», поэтому для него самое страшное – это явление двойника. Штирнер тоже убежден в том, что в мире не может быть двух совершенно одинаковых людей: «Я имею, конечно, известное *сходство* с другими, но это имеет значение только для сравнения или рассуждения; в действительности же я – несравним, я – единственный» [Штирнер 1907: 350].

Пафос книги Штирнера и повести «Двойник» направлен против нивелирования личности. Никого не интересует индивидуальное «я» Голядкина. Всех интересует Голядкин как чиновник, как гражданин, как «человек». Штирнер в этой связи рассуждает: «Что я для тебя? Быть может, *телесное “я”*, как я хожу и стою? Ничуть. Это телесное “я” со всеми своими мыслями, решениями и страстями в твоих глазах “частное

дело”, до тебя не касающееся, “предмет в себе”. “Предметом для тебя” является лишь “я” как понятие, как родовое понятие, лишь *человек как таковой*, который, так же, как он, зовется Иваном, мог бы называться Петром или Михаилом. Ты видишь во мне не меня во плоти, а нечто недействительное, призрак, то есть “человека”» [Штирнер 1909: 24]. Никто из сослуживцев, в том числе непосредственный начальник Голядкина Сеточкин, даже не заметили, что новопоступивший чиновник очень похож на Голядкина. Герой отстаивает свою личность, свое право на частную жизнь. «Это моя частная жизнь, Андрей Филиппович» (1; 127). «— Это более относится к домашним обстоятельствам и к частной жизни моей, Андрей Филиппович, — едва слышным голосом проговорил полумертвый господин Голядкин, — это не официальное приключение, Андрей Филиппович...» (1; 134).

Достоевский рисует весьма незначительную личность, показывая, что даже такая личность в обществе не нужна. Всеми силами Голядкин борется за свою личность. Голядкин понимает, что обществом подписан ему смертный приговор: «...но что дело проиграно, так в том теперь и сомнения малейшего нет, что пропал я совсем, так уж это известно, определено, решено и подписано» (1; 200-201), хотя и продолжает бороться. Голядкин хочет отстоять свои права, но существование Голядкина-младшего доказывает, что никаких прав у него нет, что право — это призрак. По Штирнеру, кроме «я» все остальное — абстракции, «призраки». Но у Достоевского и «я» Голядкина тоже призрак. Голядкин не может доказать, что его «я» реально существует.

«Двойник» — об обезличивании. Герой отстаивает свою амбицию, не хочет быть таким, как все. С одной стороны, двойник должен продемонстрировать массовость Голядкиных. С другой стороны, борясь с двойником, герой проявляет свою индивидуальность.

Голядкин верно понимает, что общество и государство (а он постепенно приходит к пониманию, что против него действуют не отдельные враги: Каролина Ивановна, Андрей Филиппович, Владимир Семенович и т.д., а все общество), чтобы извести и вытеснить его, соорудили двойника, который всем импонирует. И даже если каким-то чудом Голядкин победит своего двойника и уничтожит его, оно соорудит еще тысячу Голядкиных. Штирнер рассуждает аналогичным образом: «Так как государство — и иначе быть не может — заботится единственно о себе, то оно не заботится о моих потребностях, а только о том, как бы извести меня, то есть сделать другое я из меня, превратить меня в доброго гражданина» [там же: 182]. Эти слова Штирнера, как нам представляется, раскрывают замысел автора «Двойника».

ЛИТЕРАТУРА

Гроссман 1919 – *Гроссман Л.П.* Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.

Дилакторская 1999 – *Дилакторская О.Г.* Мытарства грешной души («Двойник»: «петербургская поэма») // Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб., 1999.

Достоевский 1972-1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972-1990.

Отверженный 1925 – *Отверженный Н.* Штирнер и Достоевский. М., 1925.

Штирнер 1907 – *Штирнер М.* Единственный и его собственность. Ч. 1. СПб., 1907.

Штирнер 1909 – *Штирнер М.* Единственный и его собственность. Ч. 2. СПб., 1909.